

# Содержание

|          |   |
|----------|---|
| Введение | 7 |
|----------|---|

## ЧАСТЬ I

---

### Основы: значение первичных социальных факторов

|                                                                                |    |
|--------------------------------------------------------------------------------|----|
| 1. Средство от хаоса                                                           | 15 |
| 2. Прошлое и настоящее: чем больше все меняется,<br>тем больше все по-прежнему | 28 |
| 3. Инь и ян жесткости и свободы                                                | 46 |
| 4. Катастрофы, эпидемии<br>и этнокультурное многообразие                       | 72 |

## ЧАСТЬ II

---

### Анализ: жесткое и свободное здесь, там и повсюду

|                                                                                 |     |
|---------------------------------------------------------------------------------|-----|
| 5. Война американских штатов                                                    | 97  |
| 6. Рабочий класс и высшее общество:<br>скрытый разлом культур                   | 136 |
| 7. Жесткая или свободная у вас организация?<br>Это важнее, чем может показаться | 167 |
| 8. Что вы видите в зеркале                                                      | 199 |

## ЧАСТЬ III

---

### Прикладные вопросы: жесткое и свободное в переменчивом мире

|                                              |     |
|----------------------------------------------|-----|
| 9. Златовласка поступала правильно           | 227 |
| 10. Культурный реванш и мировой (бес)порядок | 249 |
| 11. Как использовать силу социальных норм    | 275 |
| Благодарности                                | 295 |

# Введение

В Берлине одиннадцать вечера. Прохожий терпеливо ждет зеленого сигнала на пешеходном переходе, хотя в поле зрения нет ни единого автомобиля. В это же время за много тысяч километров, в Бостоне, разгар утреннего часа пик, и толпы торопящихся на работу служащих перебегают на красный, уворачиваясь от потока машин. Южнее, в Сан-Паулу, восемь вечера, и народ вовсю резвится в общественных парках, раздевшись до нижнего белья. В Кремниевой долине середина дня, и сотрудники Google в футболках увлеченно сражаются друг с другом в пинг-понг. А в цюрихском офисе швейцарского банка UBS, где уже многие годы действует дресс-код в 44 страницы текста, засидевшиеся за полночь начальники позволили себе лишь слегка ослабить галстуки.

Посмеиваясь над излишне педантичными немцами или чересчур склонными к обнаженке бразильцами, мы редко задумываемся о происхождении такого рода различий. А дело далеко не ограничивается дресс-кодом и особенностями поведения пешеходов. Культурные различия глубоки и всеохватны — они затрагивают и политику, и воспитание детей, и менеджмент, и религиозные практики, и работу, и отдых. Один из результатов эволюции человечества на протяжении нескольких последних тысячелетий — это то, что на планете 195 государств, более семи тысяч языков и множество религий. Даже внутри одной страны, такой, например, как США, бесчисленное множество различий в манере одеваться,

диалектах, моральных установках и политических ориентирах людей, иногда живущих по соседству. Многообразие людского поведения поражает, особенно с учетом того, что геном человека на 96% идентичен геному шимпанзе, которые, однако, ведут себя более или менее одинаково вне зависимости от места обитания.

Вполне справедливо одобряя этнокультурное многообразие и осуждая размежевание, мы потрясающе невежественны в том, что составляет основу того и другого, — *культуре*. Культура упрямо сопротивляется познанию и остается одной из последних малоизученных областей. Мы направили лучшие умы человечества на достижение невероятных технических прорывов. Мы открыли закон всемирного тяготения, расщепили атом, опутали проводами всю планету, искоренили смертоносные эпидемии, создали карту генома человека, придумали айфон и даже научили собаку кататься на скейтборде. Но, невзирая на всю свою технологическую удаль, мы почему-то удивительно медленно продвигаемся в понимании одной отнюдь не маловажной вещи — наших культурных различий.

Почему мы так разобщены, несмотря на то что в чисто техническом смысле связаны друг с другом как никогда прежде? В основе различий между нами находится культура, и нам нужно знать об этом больше. Многие годы и политические эксперты, и дилетанты упорно пытаются выявить некий глубинный фактор, объясняющий широкое разнообразие и многогранность различий в культурных особенностях. Во многом мы фокусируемся на поверхностных чертах — «симптомах культуры». Мы пытаемся объяснить расхождения культур с позиций географии, полагая, что люди ведут себя определенным образом, поскольку живут в «голубых» или «красных» штатах, в городах или сельской местности, в странах Запада или Востока, в развитых или развивающихся странах. Мы задаемся вопросом, можно ли объяснить культуру религиозными или

«цивилизационными» различиями. Обычно все это порождает больше вопросов, чем ответов, поскольку все эти подходы не учитывают базис существующих между нами различий — *первичный культурный шаблон*.

Более убедительный ответ прячется у всех на виду. Точно так же, как огромное количество явлений в физике, математике и биологии можно объяснить на основе нескольких базовых элементарных принципов, многие культурные различия и барьеры становятся понятными, если просто взглянуть на них с иных позиций.

Оказывается, наше поведение в большой степени зависит от того, в какой культуре мы живем — жесткой или свободной. Различие определяется силой существующих в данной культуре социальных норм и строгостью требований к их соблюдению. Социальные нормы, то есть принятые правила поведения, есть во всех культурах, и обычно мы воспринимаем их как данность. В детстве мы заучиваем сотни социальных норм — например, не выхватывать вещи из рук других людей, передвигаться по правой стороне тротуара (или левой, в зависимости от места жительства), ходить одетыми каждый день. Мы продолжаем впитывать в себя новые социальные нормы в течение всей жизни: как одеваются на похороны, как можно вести себя на рок-концерте, в отличие от симфонического, или как исполняются разнообразные ритуалы в диапазоне от свадьбы до молитвы. Социальные нормы скрепляют сообщества людей, они дают нам идентичность и как ничто другое помогают налаживать взаимоотношения с окружающими. Вместе с тем культуры разнятся между собой жесткостью этих социальных скреп, что ведет к глубоким различиям в мировосприятии, общественной среде и мышлении.

Жесткие культуры отличаются сильными социальными нормами и невысокой терпимостью к отклонениям от них, а свободные — слабыми социальными нормами и высокой

степенью вседозволенности. Первые — законодатели, вторые — правонарушители. В Соединенных Штатах, стране относительно свободной культуры, достаточно выйти из дому и сделать пару шагов по улице, чтобы натолкнуться на целую уйму будничных нарушений правил самого разного рода — выброшенный где попало мусор, переход улицы в неположенном месте или неубранные с тротуара собачьи какашки. Напротив, в Сингапуре, где нарушение общественных норм редкость, тротуары стерильно чисты, а переходящих на красный свет днем с огнем не сыщешь. Или возьмем свободную культуру Бразилии — там все часы на городских улицах показывают разное время, а опоздание на деловую встречу считается скорее нормой, чем исключительным событием. На самом деле в Бразилии, когда хотят, чтобы человек прибыл вовремя, обязательно говорят *com pontualidade britanica*, что означает «с британской пунктуальностью». В то же время в жесткой культуре Японии пунктуальности придается огромное значение — поезда не опаздывают практически *никогда*. В редчайших случаях, когда опоздание все же случилось, служащие железнодорожных компаний выдают пассажирам оправдательные документы для предъявления начальству на работе.

Веками считалось, что у всех этих вариаций и расхождений есть собственные объяснения. Но в этой книге я покажу, что существующие различия между культурами зиждутся на глубоко фундаменте. Основополагающая находка — то, что степень жесткости норм определенной культуры не является чем-то произвольным или случайным. За ней стоит вполне обоснованная логика.

Интересно, что в рамках той же логики «жесткая — свободная», объясняющей различия между нациями, можно рассматривать и различия между государствами, организациями, классами общества и домохозяйствами. Разница между жесткостью и свободой обнаруживает себя на заседаниях

советов директоров, в классных комнатах и спальнях, за столом переговоров и в дружеском застолье. В основе, казалось бы, совершенно индивидуальных особенностей поведения людей в быту — в общественном транспорте, спортзале или конфликтах с друзьями, партнерами и детьми — лежат все те же различия между жестким и свободным. А вы сами? Стремитесь устанавливать правила или, скорее, нарушать их? Я продемонстрирую некоторые из причин, объясняющих эти склонности.

Выходя за пределы нашего ближайшего окружения, мы можем использовать различия между жесткостью и свободой для выявления закономерностей глобальных явлений — конфликтов, революций, терроризма и популизма. На рубеже «жесткость — свобода» связность мировых культур деформируется и рвется. Эти разрывы заметны не только в заголовках новостей — они видны и в повседневном общении.

Концепцию «жесткость — свобода» можно применить не только для объяснения происходящего. С ее помощью можно прогнозировать будущие конфликты и предлагать способы их предотвращения. Это важный способ предвосхитить появление разногласий между людьми — и в менее серьезных случаях, таких как, например, раздраженность рабочего со стройки при виде лощеного банкира с Уолл-стрит, и в чреватых смертельной опасностью контактах религиозных фанатиков с людьми, полностью отрицающими предписания священных текстов. Для многих знакомство с этой книгой станет своего рода проникновением в «Матрицу» — возможностью увидеть окружающую действительность совершенно иначе.

## Средство от хаоса

Представьте себе мир, в котором люди опаздывают всегда. Рейсы поездов, автобусов и самолетов совершаются в отсутствие какого-либо твердого расписания. В разговорах люди постоянно перебивают друг друга, фамильярничают с новыми знакомыми и никогда не смотрят прямо в глаза. Вставать по утрам можно когда угодно, а выходить из дому одетым — не обязательно. В ресторанах (которые работают когда придется) люди заказывают блюда, которых нет в меню, жуют с открытым ртом, рыгают и без спросу залезают в чужие тарелки. В переполненных лифтах народ поет, отряхивает мокрые зонтики прямо на окружающих и стоит спиной к дверям. Школьники треплются по мобильникам во время уроков, подкалывают учителей и в открытую списывают на экзаменах. На улицах можно ездить по встречной, а на сигналы светофоров никто не обращает внимания. Пешеходы мусорят, воруют чужие велосипеды и громко матерятся. Секс не подразумевает интимной обстановки — им занимаются и в общественном транспорте, и на лавочках в парках, и в кинотеатрах.

Так выглядит мир без социальных норм, то есть мир, в котором отсутствуют какие-либо общепринятые стандарты поведения.

К счастью, людям (в большей степени, чем любым другим живым существам) присуща удивительная способность создавать, поддерживать и соблюдать социальные нормы для предотвращения подобных сценариев. На самом деле

мы более чем склонны к нормативу, хотя и не отдаем себе отчета в этом: огромное количество нашего времени уходит на соблюдение общепринятых правил и условностей, причем даже совершенно бессмысленных.

Вот несколько примеров. В последний день года в Нью-Йорке миллионные толпы народа собираются на морозе, чтобы восторженными криками приветствовать спуск шара по флаштоку. Есть и другие столь же диковинные новогодние обычаи: в Испании положено ровно в полночь с большим энтузиазмом проглотить двенадцать виноградин, в Чили за удачу съедают пригоршню чечевицы, а в Шотландии крутят над головой подожженной колючей проволокой, предварительно облитой чем-нибудь горючим. Из года в год на стадионах собираются тысячи людей, чтобы порадоваться, покричать и даже повизжать, наблюдая за тем, как им подобные мутуют друг друга, исполняют музыку или откалывают шутки.

Такого рода времяпровождению обычно предаются в массовом порядке, но в нашем поведении в отсутствие компании сочувствующих тоже много непонятного. Почему в один из самых радостных дней своей жизни женщина обязана надеть именно белое платье, а не что-нибудь яркое и разноцветное? Почему каждый декабрь люди срубают отличные елки, наряжают их и позволяют засохнуть в своих гостиных? Почему мы, американцы, строго-настрого запрещаем детям разговаривать с незнакомыми людьми, но 31 октября заставляем их выходить на улицу в маскарадных костюмах и кланчить у взрослых конфетки? В мире можно наблюдать не менее озадачивающие вещи. Например, почему в определенные дни миллионы индусов радостно плещутся в холодной грязной реке, отмечая Кумбха Мела\*?

---

\* Кумбха Мела («праздник кувшина») — обряд коллективного паломничества индусов к святыням индуизма с массовым омовением в водах священной реки. — *Прим. ред.*

Со стороны наши социальные нормы часто выглядят странновато, но внутри себя мы воспринимаем их как данность. Некоторые из них узаконены (соблюдайте правила дорожного движения; не крадите чужие велосипеды), другие считаются само собой разумеющимися (нельзя плясать на окружающих в вагоне поезда; прикрывайте рот рукой, когда зеваете). Они могут проявлять себя в повседневной рутине, например в том, что положено одеваться или здороваться и прощаться в начале и конце телефонного разговора. Или же они принимают вид ритуалов, заученных правил поведения по особым случаям, вроде Хеллоуина или Кумбха Мела.

Мы живем в окружении социальных норм и следуем им постоянно. Для человеческих существ соответствовать социальным нормам дело столь же естественное, как подъем на нерест для лососевых. При этом, как ни странно, при всей своей вездесущности социальные нормы в основном остаются невидимыми. В большинстве своем мы редко обращаем внимание на то, насколько определяется ими наше поведение или, что еще важнее, насколько они нужны.

Это одна из величайших загадок рода человеческого. Как мы умудряемся всю жизнь жить под воздействием столь мощных факторов, не понимая их или даже не замечая вовсе?

## **РОЖДЕННЫЙ БЕЖАТЬ... ИЛИ СОБЛЮДАТЬ?**

Как вы думаете, в каком возрасте дети начинают впитывать социальные нормы? В три года, когда многих отдают в ясли, или в пять, когда ходят в детский сад? Оказывается, наше стремление соблюдать стандарты проявляет себя гораздо раньше: данные исследований показывают, что младенцы соблюдают нормы и выражают желание наказывать нарушителей еще до того, как приобретают способность говорить.

В одном из новаторских исследований ученые убедились в том, что младенцы демонстрируют явное предпочтение игрушечным зверушкам, которые ведут себя общественно приемлемым образом (то есть помогают другим игрушечным персонажам открыть коробочку с погремушкой или возвращают оброненный мячик), по сравнению с игрушками, ведущими себя асоциально (мешают другим открыть коробочку и отнимают мячики).

Более того, к трехлетнему возрасту мы уже активно осуждаем нарушителей порядка. В одном исследовании двух- и трехлетние дети рисовали и лепили из пластилина рядом с двумя ростовыми куклами, которые делали то же самое. Когда одна из кукол уходила, другая начинала рвать ее рисунки или ломать вылепленное. Это зрелище почти не волновало двухлеток, но примерно четверть трехлетних детей начинала громко возмущаться поведением наглой куклы со словами вроде «Нет, так делать нельзя!». Маленькие дети выражают свое неодобрение и в ситуациях, когда считают что-то неправильным. Трехлетние детишки оживленно протестовали, когда кукла некорректно воспроизводила некое действие, которому их только что научили. Вполне очевидно, что дети не только учатся у окружающих интерпретации социальных норм, но и активно формируют и применяют их.

Эволюция человека снабдила его очень развитой нормативной психологией, которая развивается с момента его появления на свет. Это делает нас уникальными по сравнению с остальными живыми существами, хотя, отдадим им должное, очень многие из них отличаются высокоразвитыми способностями к социальному научению. Так, девятииглые колюшки отдают предпочтение местам, где кормятся другие рыбки, а не более пустынным. Серые крысы будут есть то, что съела у них на виду лабораторная крыса. А птицы выбирают место для прокорма, тщательно прислушиваясь к наставительному щебету своей стаи. Но пока не существует

доказательств тому, что животные и птицы подражают сородичам по социальным мотивам, например из чувства общности или чтобы соответствовать ожиданиям окружающих.

Именно об этом свидетельствуют результаты очень изобретательного опыта, поставленного немецкими учеными. Они придумали специальный ящик с тремя отделениями и отверстиями вверху. В начале эксперимента его участники (это были маленькие дети и шимпанзе) узнавали, что, бросив шарик в одно из отверстий, можно получить что-то вкусное. Затем им показывали другого ребенка (или шимпанзе), который получал угощение, бросая шарики в другое отверстие. Экспериментатор отмечал, в какие отделения бросают шарики подопытные. Дети часто меняли отделения, копируя поведение других, особенно когда эти последние за ними наблюдали. Это означает, что дети изменяют свою стратегию не просто потому, что считают подходы своих сверстников более удачными, а делают это и по социальным причинам — сигнализируя о принадлежности и соответствии. В отличие от них лишь очень немногие из шимпанзе меняли свою стратегию и копировали поведение других. Как и многие другие животные, шимпанзе обладают способностью учиться друг у друга, но обычно не используют навык социального научения в отсутствие материальной выгоды. Судя по всему, только людям свойственно следовать социальной норме для того, чтобы оставаться в составе группы.

## **СИЛА СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ**

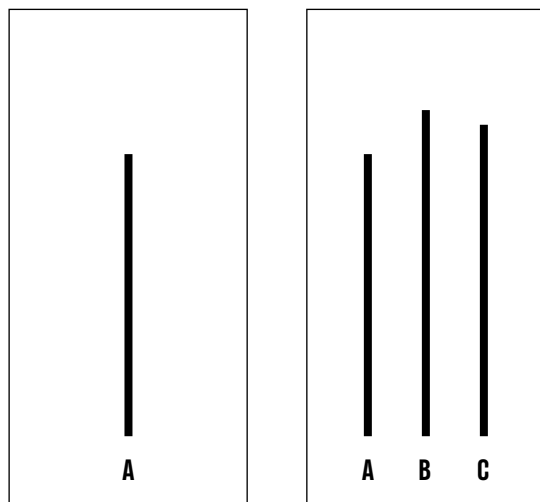
Представьте, что вы записались на участие в психологическом опыте. Вы сидите в лаборатории вместе с восемью другими людьми. Приходит исследователь и раздает каждому по листку бумаги, на левой стороне которого изображена одна линия, а на правой — несколько разной длины, обозначенные как

линия А, линия В и линия С (рис. 1.1). Он просит участников независимо друг от друга определить, какая из линий справа соответствует по длине линии слева. Для вас совершенно очевидно, что правильный ответ — линия А. Затем исследователь предлагает ответить по очереди. Все другие участники говорят, что это линия В, линию А не называет никто из них. Вы отвечаете предпоследним. Останетесь при своем мнении или все же поменяете его на линию В?

Если бы вы действительно участвовали в таком эксперименте, то, возможно, в какой-то момент усомнились бы в своей правоте и согласились с мнением группы. Именно это установил социальный психолог Соломон Аш в 1956 году, когда проводил ставший классическим опыт. В нем испытуемого помещали в группу якобы других таких же участников, которых инструктировали давать заведомо неправильные ответы в серии из нескольких попыток. Результаты эксперимента Аша показали, что из 123 испытуемых три четверти соглашались с групповым мнением как минимум в одном случае. Другими словами, большинство участников меняло свои ответы, чтобы они совпадали с неверными, но распространенными.

Результаты этого простого, но оригинального эксперимента говорят о многом. Не отдавая себе отчета в этом, все мы склонны следовать групповым нормам, которые могут превалировать над нашим ощущением правильного и неправильного.

Действительно, и за пределами научных лабораторий мы соблюдаем множество норм, которые можно считать давно утратившими первоначальный смысл. Взять, к примеру, рукопожатие — вероятно, самый распространенный в мире способ приветствовать друг друга. Ученые предполагают, что обычай пожимать руки при встрече зародился в Древней Греции примерно в IX веке до нашей эры как жест, призванный показать новому знакомому, что вы не прячете в руке оружие. В наши дни лишь очень немногие разгуливают по улицам,



**Рис. 1.1.** Опыт Соломона Аша с линиями разной длины

скрывая в рукаве боевые топоры или мечи, но рукопожатие продолжает служить нам в качестве физического элемента приветствия. Его изначальное предназначение изжило себя, а само рукопожатие осталось.

Еще больше озадачивает то, что иногда люди придерживаются откровенно опасных для жизни социальных норм. Вот, например, фестиваль Тайпусам — индуистский праздник, отмечаемый тамильскими общинами всего мира. Элементом Тайпусама является обряд кавади аттам, что в переводе означает «танец с бременем», и это вполне обоснованное название. В честь индуистского бога войны Муругана участники обряда обязаны выбрать собственное бремя — то есть способ причинения боли самим себе. Так, широко распространено прокалывание кожи, языка и щек священными велями — шпажками или крючками с грузиками. Некоторые водружают на себя переносной алтарь с украшениями, который крепится к телу при помощи 108 воткнутых в кожу игл. На острове

Маврикий, одном из главных мест проведения Тайпусама, участники должны взойти на гору к храму Муругана. Путь занимает больше четырех часов, и все это время люди идут босиком по каменистой поверхности. Чтобы дополнительно усложнить себе задачу, некоторые проделывают этот путь на усыпанных гвоздями дощечках.

Хотя по степени мучительности с кавади могут состязаться очень немногие ритуалы, есть немало других, подобных ему по тяжести. Например, в испанском городке Сан-Педро-Манрике 23 июня начинается ритуал летнего солнцестояния. В небольшое поселение с шестью сотнями жителей съезжаются до трех тысяч зрителей, желающих понаблюдать за тем, как желающие будут проходить семиметровую дорожку из горящих углей, соблюдая давнюю местную традицию. Некоторые делают это во исполнение обета, данного



**Рис. 1.2.** Рукопожатие ассирийского царя Салманасара III и вавилонского правителя на барельефе IX века до нашей эры

общине, а другие просто поддаются общему энтузиазму. Часто добровольцы проходят тропинку, раскаленную до температуры под семь тысяч градусов Цельсия, с родственниками на спинах. После завершения ритуала народ празднует и веселится до следующего утра.

Вопрос: зачем они делают все это?

## **СВЯЗУЮЩИЕ УЗЫ**

Будь то нечто элементарное, вроде рукопожатия, или сложный ритуал вроде Кумбха Мела, социальные нормы далеко не случайны. Они развивались по вполне практической причине: благодаря им люди стали одними из наиболее готовых к взаимодействию существ на планете. Бесчисленное количество исследований показывает, что социальные нормы критически важны для объединения сообществ в открытые взаимному сотрудничеству хорошо организованные коллективы, способные на великие достижения.

Социальные нормы действительно являются связующими нас узами, и у ученых множество доказательств этому. Так, группа антропологов получила редкую возможность изучить физическое состояние участников ритуала хождения по огню в Сан-Педро-Манрике. Они закрепили на участниках и зрителях телеметрические датчики, измеряющие пульс во время ритуала. Результаты показали удивительную синхронность сердечных ритмов участников и их родственников и друзей среди зрителей. Говоря точнее, когда сердце участника начинало биться быстрее, то же происходило и с сердечными ритмами его близких. Хождение по огню в буквальном смысле заставляло сердца биться в унисон, из чего можно сделать вывод о том, что ритуалы, возможно, повышают социальную сплоченность.

Некоторые из членов этой же группы антропологов исследовали также участников ритуала кавади аттам. В этих опытах

исследователь подходил к участникам сразу после окончания их похода и спрашивал, сколько они хотели бы анонимно пожертвовать храму. Результат наглядно подтверждал сплывающую мощь ритуала: участники кавади аттам жертвовали значительно больше. Средний размер их дара составлял 130 рупий по сравнению с 80, которые жертвовали обычные прихожане храма тремя днями ранее, — разница эквивалентна примерно половине дневного заработка неквалифицированного рабочего.

Чтобы убедиться в том, насколько соблюдение социальных норм, подобных участию в ритуалах, повышает сплоченность и кооперированность коллектива, необязательно отправляться в дальние страны. Психологи проводили множество экспериментов, в которых группам людей предлагалось совместно пережить какой-то не слишком приятный опыт. Они не могли просить своих подопытных прогуляться по раскаленным углям или проткнуть себя острыми предметами (комиссия по этике такое вряд ли разрешила бы), но зато предлагали им подержать руки в ледяной воде, поделаться болезненные приседания или совместно перекусить перчиками чили. По сравнению с группами, не имевшими коллективного болезненного опыта, люди, совместно испытывавшие неприятные ощущения, показывали значительно более высокую степень привязанности друг к другу. Кроме того, в последующих экономических играх, где каждый получал возможность проявить эгоизм и оставить все деньги себе, они демонстрировали намного большую готовность к сотрудничеству.

Данные исследований говорят также о том, что росту кооперированности способствуют даже обычные рутинные занятия совместно с другими людьми. В опыте, проведенном в новозеландском Университете Отаго, группы, совместно промаршировавшие вокруг стадиона, впоследствии прилагали больше стараний к выполнению коллективной задачи

(надо было собрать рассыпанные по полю стадиона монеты), чем люди, обошедшие его каждый в собственном темпе. Согласованность с окружающими действительно позволяет координировать усилия при выполнении сложных задач. В одном из опытов пары участников, выполнявшие синхронные движения, потом лучше справлялись с задачей продвижения мяча по запутанному лабиринту, чем те, кто этого не делал. Эти результаты говорят о том, насколько важно человеческому коллективу следовать социальным нормам, особенно если люди хотят преуспеть в занятиях, требующих хорошей групповой координации, таких как охота, добыча продовольствия или военные действия.

Действительно, группы людей часто соблюдают социальные нормы, которые, как кажется, уже не выполняют свою изначальную функцию. Вернемся к рукопожатию. Ученые из Гарвардской школы бизнеса установили, что переговорщики, пожимающие руки своим визави, показывают тем самым свое расположение к ним и обычно добиваются лучших результатов, чем те, кто этого не делает. Рукопожатие стало проводником сотрудничества и, судя по всему, приобрело важнейшую социальную функцию, хотя его изначальное предназначение полностью себя изжило.

## **КООРДИНАЦИЯ В ОГРОМНЫХ КОЛИЧЕСТВАХ**

В прошлом нормы помогали связывать узами людей в очень небольших группах. Но сегодня они критически важны для того, чтобы обеспечить координацию в огромных масштабах — счет идет на тысячи, если не миллионы, людей, разбросанных по всему миру. Каждый день мы коллективно участвуем в колоссальном по своим масштабам упражнении на координацию норм. Мы делаем это настолько непринужденно, что, возможно, воспринимаем как данность. Назовем это явление

«нормативным автопилотом». Например, вы останавливаетесь на красный свет и продолжаете движение на зеленый. Вы становитесь в конец, а не в голову очереди. Войдя в библиотеку, кинозал или самолет, вы, как и окружающие, говорите тише. Это координация в крупных масштабах, а механизмом, позволяющим ее осуществлять, служат социальные нормы.

Социальные нормы — кирпичики социального устройства; без них общество рухнет. Если бы люди не подчинялись правилам социума, их поведение было бы неприемлемо непредсказуемым. Мы не могли бы координировать свои действия практически ни в чем — ни в своих перемещениях в пространстве, ни в предметных разговорах, ни в руководстве огромными организациями. Школы не выполняли бы свою функцию. Полиция, если бы и существовала в природе, была бы бесполезной в силу отсутствия законов и общего понимания, что правилам нужно подчиняться и уважать их. Государственные службы прекратили бы работать, и общество лишилось бы дорог, канализации, водоснабжения и национальной обороны. Компании, неспособные контролировать поведение своих работников, прекращали бы существование одна за другой. В отсутствие общепринятых поведенческих стандартов разваливались бы семьи.

Понятно, что соблюдать социальные нормы в наших интересах. Как считает антрополог Джозеф Хенрич, от них зависело выживание человека как вида. Будем откровенны: по сравнению со многими другими существами люди весьма слабы. Как пишет Хенрич в книге «Секрет успеха: как культура движет эволюцией человека, одомашнивает его животных и делает людей умнее», мы не слишком резвы, лишены хороших навыков мимикрии, плохо лазаем по деревьям и не особенно хорошо слышим и видим. Если оставить человека на острове с небольшим запасом еды и без защиты от хищных зверей, он, скорее всего, быстро погибнет. И как же тогда нам удастся поедать других животных, а не быть съеденными?

Хенрич делает важное замечание: нельзя считать это следствием только интеллектуального превосходства. Продвинутые логические способности вряд ли спасут человека, оказавшегося на том самом острове. Скорее, выжить в неблагоприятных условиях человеку удалось благодаря другим людям и созданным сообща социальным нормам, которые помогали нам сотрудничать на протяжении многих тысячелетий. Сотрудничающие группы были способны не только выживать в суровых условиях, но и прогрессировать и распространяться по всей планете способами, несвойственными существам, не относящимся к человеческому роду. В связи с этим стало понятно, что несоблюдение культурных норм группы чревато серьезными неприятностями. Пренебрежение социальными нормами может не только повредить репутации, но и повлечь за собой остракизм и даже смерть. С точки зрения эволюции вероятность выживания и размножения была выше у людей, хорошо умеющих следовать социальным нормам. Это важное обстоятельство сделало нас удивительно кооперативными существами — но только в случае, когда взаимодействие происходит между людьми с общими базовыми нормами. При встрече групп с *фундаментально разными* культурными установками конфликт неизбежен.

Отсюда и парадокс: являясь секретом нашего успеха, социальные нормы являются также источником огромного числа конфликтов по всему миру.

## Прошлое и настоящее: чем больше все меняется, тем больше все по-прежнему

В 1994 году молодой уроженец города Дейтон в штате Огайо оказался в центре крупного международного скандала. Восемнадцатилетнего Майкла Фэй, который жил с матерью и отчимом в Сингапуре и учился в школе для иностранцев, обвинили в воровстве и порче имущества граждан. Вместе с другими учениками-иностранцами Фэй признал себя виновным в том, что на протяжении десяти дней отчаянно веселился, разрисовывая автомобили аэрозольными красками и закидывая их яйцами. За свои преступления Фэй получил стандартный по сингапурским меркам приговор — четыре месяца тюрьмы, штраф в 3500 сингапурских долларов и шесть ударов ротанговой палкой.

В Соединенных Штатах это известие вызвало праведный гнев и возмущение. *New York Times*, *Washington Post* и *Los Angeles Times* разразились статьями, осуждающими варварское, с их точки зрения, наказание: осужденного связывают в позиции на четвереньках и со всей силы бьют по ягодцам палкой, скорость движения которой может достигать больше полутора сотен километров в час. Это может привести к огромной кровопотере, разрывам тканей, обмороку и чревато длительными физическими и психологическими страданиями. В дело включились президент Клинтон и многочисленные сенаторы, пытавшиеся заставить сингапурские власти проявить милосердие к Фэю. Однако Сингапур, который гордится своей низкой преступностью

и общественным порядком, стоял на своем. Официальные лица указывали, что палочные наказания помогают сохранять в стране низкий уровень преступности — в отличие от Нью-Йорка, где царит такой бардак и хаос, что «объектами актов вандализма становятся даже полицейские машины». В конце концов сингапурское правительство смягчило приговор Фэю с шести ударов до четырех. Но этот инцидент стал причиной резкого разлада и длительного охлаждения между странами, долгое время находившимися в союзнических отношениях.

Случай с Майклом Фэем наглядно продемонстрировал фундаментальный культурный конфликт: по одну сторону оказалась нация со строгими нормами и наказаниями, а по другую — более мягкая и терпимая к девиантному поведению. Этот резкий контраст в отношении к установлению правил и их соблюдению является одной из важнейших особенностей развития человеческих сообществ с доисторических времен до наших дней.

## **ОТ СТРАНЫ ШТРАФОВ К БЕСКРЫЛЫМ ПТИЦАМ**

Сингапур — крохотная страна с населением около 6 миллионов человек — может похвастаться исключительной дисциплиной и общественным порядком. На самом деле он заслужил прозвище «штраф-сити» из-за огромных штрафов, которые налагаются за, казалось бы, самые мелкие правонарушения. Плевок на улице может обойтись в тысячу долларов штрафа. Человеку, пойманному на ввозе в страну жевательной резинки, грозит штраф до ста тысяч долларов и (или) тюремное заключение сроком до двух лет. С 22:30 до 7:00 нельзя употреблять алкогольные напитки в общественных местах, а в выходные это вообще полностью запрещено в многочисленных «зонах контроля над спиртным». Любого пойманного

на контрабанде наркотиков может ожидать смертная казнь. За шум в общественных местах, пение неприличных песен и продажу непристойных фото полагается или тюремный срок, или штраф, или и то и другое. Даже акт мочеиспускания является объектом тщательного контроля. Забыв спустить воду в общественном туалете, вы заплатите штраф до тысячи долларов. А если в хорошем подпитии вам приспичит справить малую нужду в лифте, то знайте: некоторые сингапурские лифты оборудованы системами мочеобнаружения, которые блокируют двери и оставляют бессовестного нарушителя порядка дожидаться приезда представителей власти.

Государственное регулирование распространяется и на частную жизнь. Если вас заметят разгуливающим нагишом по собственному дому с незадернутыми занавесками, ждите штрафа. За гомосексуальные действия можно получить до двух лет тюрьмы. Сесть можно и за инакомыслие в интернете — это, в частности, произошло с шестнадцатилетним экс-актером Амосом Йи, которого приговорили к четырем неделям ареста за видео, в котором он отозвался о премьере как о «властолюбивом злоумышленнике». Государство пробует себя даже в роли свахи. В 1984 году в составе сингапурского правительства был создан Отдел социального воспитания, задачей которого является организация свиданий и разъяснительная работа среди населения относительно того, что представляет собой удачный брак.

Жесткая культура Сингапура не мешает его гражданам любить свою страну. Не всегда соглашаясь с решениями правительства, более 80% жителей выражают ему свою поддержку.

Теперь давайте совершим перелет в Новую Зеландию — страну, в высшей степени нестрогая культура которой является собой разительный контраст с сингапурской. В Новой Зеландии можно ездить за рулем с открытой бутылкой спиртного при условии, что уровень алкоголя в крови не превышает официально разрешенного. Новозеландское общество — одно

из наиболее сексуально раскрепощенных в мире. Однополые браки легализованы, а дискриминация геев и лесбиянок с 1994 года незаконна. У новозеландских женщин самое большое число сексуальных партнеров — в среднем 20,4 на протяжении жизни против 7,3 в целом по миру. Проституция декриминализована уже давно: по уникальной «новозеландской модели» ею может заниматься любой человек старше восемнадцати, пользуясь при этом всеми трудовыми льготами и государственным медицинским страхованием. Порнография разрешена и процветает. Жители Новой Зеландии регулярно посещают портал Pornhub, на котором в 2015 году страна уступала по числу просмотров на душу населения только Соединенным Штатам, Великобритании, Канаде и Ирландии.

«Киви», как шуточно называют себя новозеландцы (по имени бескрылой нелетающей птицы), обычно моментально знакомятся друг с другом и предпочитают обходиться без формальных обращений. На улицах, в магазинах и банках можно встретить людей, разгуливающих босиком. Общественные разногласия и протесты частое явление. В новозеландских университетах получил широкое распространение обычай жечь диваны по случаю победы своей футбольной команды. А в 1970-х годах некий мужчина в костюме мага начал путешествовать по городам страны, занимаясь разного рода выкрутасами — от шаманского камлания на регбийных матчах и строительства огромного гнезда на крыше библиотеки до вылупления из скорлупы размером в человеческий рост на вернисаже в художественной галерее. От него не бегали как от ненормального. Наоборот, в 1990 году новозеландский премьер Майк Мур провозгласил его официальным чародеем страны с обязанностью «оберегать правительство, благословлять новые предприятия... радовать население и привлекать в страну туристов».

## ШКАЛА «ЖЕСТКОСТЬ — СВОБОДА»

В любой культуре социальные нормы являются своего рода клеем, скрепляющим разные группы населения. Однако примеры Сингапура и Новой Зеландии со всей очевидностью свидетельствуют о том, что сила этого клея может быть очень разной. Сингапур с его многочисленными правилами и строгими наказаниями — жесткая культура. Новая Зеландия со своими либеральными законами и высокой степенью вседозволенности — свободная культура.

Путешествуя по миру, я наблюдала такие различия своими глазами — в поездках токийского метро царят тишина и практически стерильная чистота, а в громяющих неопрятных вагонах манхэттенской подземки люди орут такое, что волосы встают дыбом.

Но это не более чем личные впечатления. Чтобы получить более объективную картину, я с помощью коллег из большого числа стран (Австралии, Гонконга, Голландии, Южной Кореи, Мексики, Норвегии, Украины, Венесуэлы и многих других) разработала и провела одно из самых масштабных исследований культурных норм. Я хотела разработать показатели, позволяющие прямо сопоставить силу социальных норм различных культур, исследовать их эволюционные корни и идентифицировать преимущества и недостатки относительно жестких и слабых норм. Изначально мы фокусировались на национальных особенностях, но постепенно перешли к всестороннему изучению различий между жесткостью и свободой — в разрезе государств, социальных классов, организаций и локальных сообществ.

Наша выборка из примерно 7 тысяч человек из 30 стран на пяти континентах охватывала широкий диапазон занятий, полов, возрастов, религий, сект и социальных классов. Опросник был переведен на двадцать с лишним языков — от арабского, испанского и китайского до эстонского,

норвежского и урду. Наряду с вопросами об отношении к жизни и мировоззрении у людей интересовались, насколько они свободны или ограничены в самых разнообразных ситуациях социального взаимодействия. И главное — им предлагали дать непосредственную оценку степени жесткости норм и наказаний, существующих в их стране. Вот некоторые из вопросов, которые мы задавали:

- Насколько много в данной стране социальных норм, обязательных к соблюдению?
- Существуют ли в ней абсолютно ясные ожидания относительно поведения человека в большинстве ситуаций?
- Если поведение человека не соответствует ожиданиям окружающих, насколько сильное неодобрение это вызовет?
- Свободны ли жители данной страны в выборе своего поведения в большинстве ситуаций?
- Действительно ли поведение жителей данной страны почти всегда соответствует социальным нормам?

Результаты, опубликованные в журнале *Science* в 2011 году и вызвавшие интерес мировых СМИ, показали, что в основе ответов людей на наши вопросы лежит некая базовая закономерность. В некоторых случаях люди были согласны с тем, что в их стране существуют четкие всеобъемлющие социальные нормы, а их несоблюдение часто влечет наказание. Иначе говоря, их страны были жесткими. В других случаях люди соглашались, что норм в их странах не так много, они не слишком четкие, а случаи отклонения от них нередки и не обязательно наказуемы. Это были «свободные» страны.

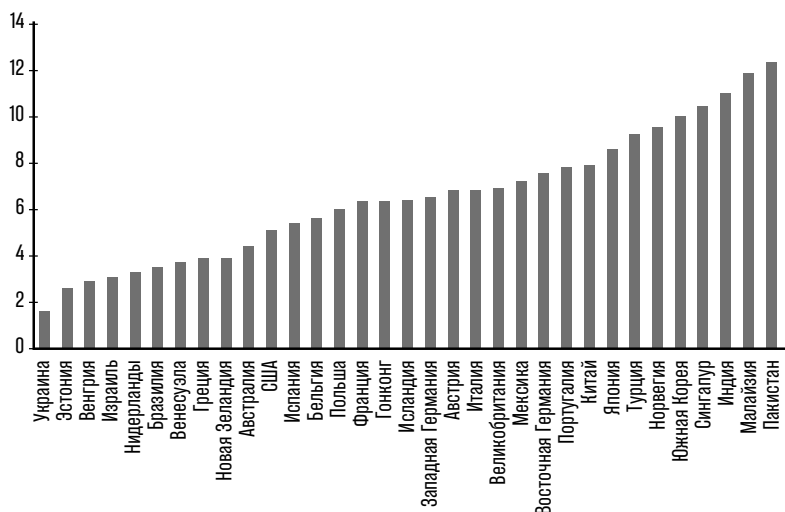
Результаты опроса дали нам возможность сгруппировать страны по степени жесткости существующих в них норм. На основе полученных ответов мы присвоили

каждой из 33 стран оценку по шкале «жесткость — свобода» (рис. 2.1). В соответствии с нашими данными, в число наиболее жестких стран попали, в частности, Пакистан, Малайзия, Индия, Сингапур, Южная Корея, Норвегия, Турция, Япония, Китай, Португалия и Германия (бывшая Восточная). Самыми свободными оказались Испания, Соединенные Штаты, Австралия, Новая Зеландия, Греция, Венесуэла, Бразилия, Нидерланды, Израиль, Венгрия, Эстония и Украина. «Жесткость — свобода» — диапазон, по краям которого располагаются экстремальные случаи, а внутри множество разных степеней.

Мы также исследовали полученные данные в разрезе региональных культур. Наибольшая жесткость характерна для народов Южной и Восточной Азии, за которыми следуют ближневосточные, североевропейские и германские. В отличие от них латиноевропейские, англоязычные и латиноамериканские культуры значительно менее жестки, а наиболее свободными культурами отличаются народы восточноевропейских и бывших коммунистических стран.

Данные также позволили судить о том, насколько свободно или скованно ощущают себя люди в более чем десятке типичных ситуаций социального взаимодействия, например в парках, ресторанах, библиотеках, банках, лифтах, автобусах, кинотеатрах, школьных классах и на вечеринках. По каждой ситуации респонденты рассказывали нам, насколько свободны в выборе поступков, существуют ли четкие правила поведения и обязаны ли они «следить за своим поведением». Кроме того, они рассказывали нам, насколько уместны или неуместны в данных ситуациях различные варианты поведения, например споры, ругань, пение, смех, плач, слушание музыки или прием пищи.

Данные четко указывали, что в жестких культурах значительно меньше приемлемых вариантов поведения. Любопытно, что даже в ситуациях, где диапазон приемлемых вариантов



**Рис. 2.1.** Оценка стран мира по шкале «жесткость – свобода» (2011)

поведения существенно ограничен во всех культурах — например, на собеседовании при приеме на работу, занятиях в библиотеке или в учебном классе, — в более свободных он все равно шире. (Как преподаватель могу подтвердить, что в американских учебных аудиториях может царить полный дурдом — студенты приходят на занятия в пижамах, строчат сообщения в телефонах, слушают музыку в наушниках или едят. Я не замечала почти ничего подобного, читая курс лекций в Пекине.)

При этом в жестких культурах имеется больше ограничений для ситуаций, в которых их обычно меньше, — например, на прогулках в парке, на вечеринках или на городских улицах. Образно говоря, в наиболее жестких культурах люди по большей части чувствуют себя так, будто находятся в библиотеке, а в наиболее свободных они чувствуют себя как в парке, где гораздо больше возможностей вести себя как заблагорассудится.

Разумеется, большая часть наций находится где-то между этими крайностями. И это местонахождение не обязательно неизменно. Культурная ментальность глубоко укоренена, но, тем не менее, культуры могут менять свое положение в рамках диапазона «жесткость — свобода». Сложившееся соотношение может резко измениться под воздействием ряда факторов, в том числе и макиавеллианского толка. Кроме того, точно так же, как индивид может быть большую часть времени экстравертом с отдельными моментами интровертного поведения, у наций есть возможности ослаблять жесткость или зажимать свободу.

Например, в странах жесткой культуры существуют островки вседозволенности, где граждане могут сбрасывать напряжение социальных норм. Обычно свободная обстановка таких мест выглядит тщательно сконструированной. Вот, например, токийская улица Такэсита. В пределах этой узкой пешеходной торговой улочки японские требования порядка и единообразия не действуют вообще. Народ разгуливает по Такэсита в самых безумных нарядах — здесь можно встретить и персонажей аниме, и сексапильных служанок, и клонов панк-музыкантов. Толпы японской молодежи и знаменитости со всего мира (в том числе Леди Гага, Рианна, Ники Минаж и звезда кей-попа Джи-Дрэгон) стягиваются сюда, чтобы посумасбродствовать и прикупить что-нибудь нетривиальное из продающихся здесь нарядов, аксессуаров и сувениров. Кроме того, японская культура поощряет своих застегнутых на все пуговицы бизнесменов снимать стресс предписанным в этих случаях образом — выпивкой, иногда до полного беспамятства. Подпольные пространства свободы существуют даже в наиболее жестко регулируемых обществах. В условиях суровой цензуры в столице Ирана Тегеране активно развивается яркая культурная жизнь. Актом творчества является уже само по себе умение обойти строгие государственные предписания относительно политического, религиозного

и сексуального содержания спектаклей, песен, литературных произведений и кинофильмов. Театральные коллективы и музыканты выступают перед огромными аудиториями, которые собираются и на заброшенных полях, и в туннелях, и в горных пещерах. Более миллиона лайков собрала страничка в Facebook «Моя тайная свобода», на которой иранские женщины публикуют свои фото без хиджаба или в иные моменты запретной для них свободы.

Аналогичным образом и в более свободных обществах есть жестко регулируемые области. Хотя на первый взгляд их выбор может показаться случайным, они тем не менее отражают важнейшие ценности граждан и регулируются во избежание их утраты. Взять, к примеру, высоко ценимое американцами право на неприкосновенность частной жизни. В этой сфере присутствуют жесткие правила: нарушителей соответствующих норм наказывают, а сами мы презираем людей, которые вторгаются в наше личное пространство, отнимают слишком много времени и являются в дом без приглашения. В Израиле, где люди терпеть не могут ограничений в поведении и прославляют нонконформистов, существуют жесткие законы относительно многодетных семей, а служба в армии остается строго обязательна для всех, кто к ней способен. Даже в Австралии, известной своим попустительским отношением к правилам поведения, люди строго придерживаются своих эгалитарных убеждений — вплоть до того, что для людей, выставляющих напоказ свое богатство или статус, имеется специальная уничижительная кличка — *tall poppies*.

Невзирая на то, что в любых странах существуют относительно жесткие и свободные области, они различаются между собой степенью значимости, которая придается жесткости или свободе *в целом*.

Подход «жесткость — свобода» дает возможность по-новому увидеть ту или иную культуру в глобальном масштабе. Например, не существует прямой зависимости между

оценкой страны по шкале «жесткость — свобода» и состоянием ее экономики. Такие жесткие страны, как Сингапур и Германия, экономически успешны, но этого же нельзя сказать о жестких Пакистане и Индии. К «свободным» нациям относятся и богатые Соединенные Штаты с Австралией, и Украина с Бразилией с их относительно низкими показателями ВВП. Этот новый подход отличается и от всех предыдущих, которые использовались учеными для сравнения культур — например, характеризуя их как культуры индивидуализма или коллективизма (в культуре коллективизма первоочередное значение имеют родственные связи; культура индивидуализма делает акцент на самодостаточности индивида). В каждый из четырех квадрантов попадает множество стран: коллективистские и жесткие (Япония и Сингапур), коллективистские и свободные (Бразилия и Испания), индивидуалистские и свободные (Соединенные Штаты и Новая Зеландия) и индивидуалистские и жесткие (Австрия и Германия).

## **ДРЕВНЯЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ**

Наше кросс-культурное исследование наглядно показало, что параметр «жесткость — свобода» — один из главных в видоизменениях современных наций. Но относительная сила групповых социальных норм претерпевала изменения на протяжении тысячелетий. Хотя само содержание этих норм менялось в процессе развития человеческой цивилизации, базовый культурный шаблон «жесткое — свободное» оставался неизменным. Некоторые ранние культуры напоминают нам о строгих порядках и чинности современного Сингапура, а другие перекликаются с либерализмом Новой Зеландии.

Представьте, что вы оказались в Спарте — суровой воензированной древнегреческой культуре, существовавшей

в конце V века до нашей эры, более чем за два тысячелетия до основания Сингапурского государства. Что бы вы увидели?

Вся жизнь граждан Спарты, от колыбели до могилы, была подчинена твердым и не подлежащим обсуждению правилам. Возьмем, к примеру, жизнь спартанского мальчика. В семь лет его отправляли в государственный учебный лагерь, где за пятнадцать лет из него делали отважного воина. За проявление признаков трусости его в знак позора заставляли сбрить половину бороды. Если он проявлял малодушие в настоящем бою, то вообще терял гражданство Спарты. В небоевой обстановке его стойкость к боли проверялась публичными порками.

Повседневная жизнь спартанцев также напоминала военный лагерь. Помимо соблюдения детальных диетических предписаний мужчины и женщины должны были поддерживать физическую форму регулярными упражнениями. Дородность считалась в Спарте нелепой, так что склонных к полноте изгоняли из города-государства. Мужчин и женщин, не сдавших экзамены по физподготовке (а равно холостых, незамужних и тех, кто попадался на занятиях незаконным промыслом), бойкотировали, лишали гражданства или заставляли носить специальные одежды, символизирующие общественную опалу. Строгие физические стандарты применялись в Спарте и к новорожденным: если младенец выглядел слабым или ущербным, его оставляли умирать у подножия скалы.

Спартанцы соблюдали жестко определенные правила поведения, усвоенные с детских лет. Их учили всегда выглядеть серьезными и говорить кратко. Детей наказывали за плач, разговоры в присутствии посторонних и проявления страха. Спартанцы любили смех и шутки, однако и здесь нужно было следовать строгим правилам дозволенного и недозволенного: юмор должен был быть умным, утонченным и ни в коем случае не вульгарным. Для спартанцев, считавших себя высшей

расой воинов, было также важно не допустить проникновения в свою культуру чужеродных влияний. Требовалось соблюдать полное единообразие в одежде, прическах и поведении. Иностранцы не имели доступа в государство, а самим спартамцам запрещалось выезжать за его пределы.

Такой образ жизни может показаться излишне суровым, но Спарта гордилась своей культурой и ее плодами: жесткая гражданская дисциплина обеспечила ей полное военное превосходство над остальной Грецией. Легендарные спартанские воины и их преданность своему государству были объектом восторгов знаменитых древних греков и римлян — от Платона до Октавиана Августа.

Теперь переместимся на пару сотен километров — в Древние Афины, которые были военным соперником и культурным антагонистом Спарты. В отличие от спартанских строгостей нравы в Афинах были вполне либеральные и допускали регулярное обжорство с возлияниями. На афинских улицах можно было встретить самые разнообразные стили одежды, украшенной ювелирными изделиями. Обычно их покупали на оживленном местном рынке — *агоре*, служившей местом ничем не сдерживаемого самовыражения художников, пекарей, актеров, писателей и публичных интеллектуалов самого разнообразного толка. Здесь можно было натолкнуться на знаменитостей вроде Сократа, призывавшего афинское юношество пересмотреть устоявшийся порядок вещей и представления об окружающем мире. Или встретить Диогена Синопского — философа, жившего на агоре в брошенном глиняном сосуде в знак протеста против бессмысленного этикета, который, по его мнению, мешал людям быть самими собой. Диоген был также известен тем, что подходил к случайным прохожим с зажженной свечой и разглядывал их лица в поисках неиспорченных душ.

Возможно, из-за близости к Эгейскому морю с его оживленным торговым судоходством Афины, в отличие от более

географически обособленной Спарты, испытывали влияние множества различных культур. Осваивая приходящие извне новые идеи и художественные приемы, афиняне радикально изменяли театральное искусство, гончарное ремесло и скульптуру. Каждые десять дней тысячи афинян из самых разных слоев общества собирались на оживленные политические диспуты, где высказывали часто диаметрально противоположные точки зрения на текущие события (что очень похоже на современную Новую Зеландию). Образцовый гражданин был обязан уметь живо и увлекательно излагать свои мысли в публичном выступлении. Поэтому в афинских школах развивали интеллектуальные и творческие умения учеников с упором на литературу, музыку и риторику, а не только боевые навыки. Новые идеи радикальным образом трансформировали политику и в конечном счете проложили путь к созданию первой демократии в истории западной цивилизации.

Афины были местом свободы, где постоянно появлялись, взаимопроникали и изменялись новые идеи, а инакомыслие приветствовалось. Ценившие превыше всего порядок и дисциплину спартанцы сочли бы Афины опасным сборищем жалких чудаков.

Различие «жесткость — свобода» пронизывает всю историю общественной жизни человечества. Посмотрим, как жесткость проявлялась в народности науа с начала и до середины прошлого века. В этой древней культуре, ведущей свою историю от времен великой империи ацтеков, ценятся сдержанность и дисциплина. Этнографы, жившие среди науа, писали о большом количестве законов и строгих наказаний, иногда заметно похожих на спартанские и сингапурские. Осмотрительные и сдержанные в общении науа считали, что манера поведения должна выражать самоконтроль — важное личное качество, помогавшее им справляться с трудными сельскохозяйственными задачами.